

Мастера литературы и искусства — гости Крыма

Сергей Образцов: «КУКЛЫ — ЭТО СЕРЬЕЗНО!»

карт. Лук. 7-0

Когда я попросил Сергея Владимировича рассказать о себе, своем театре, куклах, которым тот посвятил всю жизнь, работе в документальном кино, о книгах, которые пишет, он ответил, улыбувшись: «Всего не расскажешь».

Имя основателя и бессменного руководителя Государственного ордена Трудового Красного Знамени Центрального театра кукол хорошо известно и в нашей стране, и за рубежом не только в связи с огромной популярностью этого театра. Образцов — писатель, художник, актер, автор публицистических фильмов, общественный деятель. Но все-таки главным в жизни Сергея Владимировича всегда был и есть кукольный театр. Не напрасно коллеги называли Образцова кукольником номер один, избрав его президентом Международного союза кукольников.

Вероятно, каждого, кому повезло побывать в театре Образцова (так зрители давно называют Центральный театр кукол), привлекла необычная выставка. Куклы всех времен и народов, сделанные руками детей и профессиональных мастеров, куклы смешные и грустные, сложных конструкций и простые, примитивные. Ведь искусство кукольного театра началось с куклы, появившейся еще в пещере первобытного человека. Выставка показывает, как с веками изменялся облик куклы, иной стала ее роль, но значение куклы в жизни человека от этого не стало меньше.

Впрочем, не только выставка — само звание театра необычно. Взять хотя бы часы, огромные, «живые» часы над входом в здание, на которые люди приходят смотреть специально, даже не имея билетов на спектакль. Или выставленная в фойе мебель восемнадцатого и девятнадцатого веков, на которой зрители разрешается сидеть. И зимний сад с диковинными растениями, и живой уголок помогают войти в мир (не только в здание!) кукольного театра. Но если у зрителей есть подлинная тяга к индустриальности и афористичности кукольного театра, — замечает Сергей Владимирович, — то он для них может начаться и под открытым небом. В Индии мы ездили по многим городам, и в каждом для нас из циновок строили театр прямо на площади. Ставили скамейки, и импровизированный партер до отказа заполнялся то взрослыми, то детьми. А по окончании спектакля на всех нас надевали огромные венки из золотых нитей и живых роз. Официально это называется «культурными контактами», но здесь было большее — радостная «битва за дружбу».

Язык кукольного театра сложен и вместе с тем чрезвычайно прост и понятен. Кукла зачастую способна делать то, что живому актеру не под силу — умеет перевести поэтическую метафору в зрительный образ. У куклы могут «глаза ползеть на лоб», волосы «стать дыбом», она может «сгореть от стыда» и в буквальном смысле «потерять голову». Главное, маленьким куклам по плечу большие проблемы. Умение говорить со зрителем на волнующие его

темы и дает, видимо, долгую жизнь каждой постановке Сергея Образцова.

Актуальным может быть даже спектакль, поставленный по мотивам народных сказок, по классическим произведениям. Например, в спектакле «Дон Жуан-80» неотразимый красавец покоряет легкомысленные сердца. Таков сюжет. Но... В том-то и дело, что это вовсе не спектакль о популярном повесе и прекрасном искусителе. На этот раз на крохотные плечи кукол легла задача высмеять пошлость, шаблон, банальность, прикинувшиеся творчеством. Спектакль-сатира на дешевые мюзиклы, низводящие классические произведения до уровня развлекательного примитива. Любовная сцена в спектакле решена совершенно как в ковбойских музыкальных фильмах: информация несут лишь цокот лошадиных копыт и перестрелка. Есть и танцы: во время дойки танцуют не только доярки, но и их принарядившиеся коровы. Американский гангстер-бизнесмен характерен тем, что волосы у него из золотой стружки, и тем, что кулаки у него много крупнее головы. В этой «пластике кулака» он и существует.

Собственно, в каждом спектакле кукла является своеобразным символом, концентрирующим в себе пороки и недостатки. Здесь важно все — поведение куклы, одяние, даже ее имя. В «Необыкновенном концерте», например, конференции зовут Эдуард Апломбов. Но, разумеется, главную нагрузку несет текст, который «произносят» куклы. В том же спектакле «Дон Жуан-80» текст, как заранее уведомляет зрителей афиша, играется на «зарубежном языке». Действительно, все герои объясняются и поют на некоем выдуманном языке — абсолютно непонятной абракадабре, что еще больше подчеркивает сатирическую направленность спектакля.

Есть такое выражение: «кукольная комедия». Оно определяет несерьезность человеческих взаимоотношений. «Мы стараемся», — говорит Сергей Владимирович, — чтобы в наших кукольных комедиях и драмах герои (при всей их внешней условности) были наделены не «кукольными», а подлинными человеческими чувствами. Без этого наши попытки быть современными будут походить лишь на желание не отстать от моды. А любая мода — всего лишь крохи со стола современности».

Всем зрителям, особенно ребятам, тем, кто, притаившись в зале, следит за каждым движением маленьких очаровательных человечков, и невдомек, как их усилить стоит «научить» куклу прыгать в воду, кататься на коньках, забрасывать ногу на ногу, шевелить ушами, открывать и закрывать глаза... Но смысл кукольного театра, по мнению «кукольника номер один», не в буквальном копировании человека или животного. Вот, например, Сергей Образцов в тридцатые годы попытался перевести на язык кукольного театра стихотворение Маяковского «Отношение к барышне» и искал соответствующее поэзии изобразительное решение. Так появились две руки с шариками, надетыми на кончики указательных пальцев. Эти предельные в своем лаконизме две руки — куклы над ширмой оказались настолько выразительными, что не было необходимости одевать их в костюм или рисовать на шарике рот, нос, глаза. Через некоторое время рука с шариком стала эмблемой Центрального театра кукол, а потом Международного союза кукольников.

Находясь в Ялте, в санатории, Сергей Образцов за месяц успел написать книгу. Она посвящена и адресована самым маленьким, для кого кукольный театр и сами куклы окутаны волшебством. Об этом волшебстве Сергей Владимирович пишет, как всегда, мудро и весело, снабдив будущую книгу множеством лаконичных и остроумных рисунков. Готовится он и к работе над фильмом «Завтра будет поздно», который продолжит тему картины «Кому он нужен, этот Васяка?» «Понимаете, — говорит Образцов, — может наступить такой день, когда мы, при всем нашем желании, уже не спасем живую природу. Некого будет спасать».

Сергей Владимирович вышел на балкон, насыпал в самодельную кормушку зерна и, глядя, как, толкая друг друга, весело возятся воробьи, рассказал следующую историю. Через Керченский пролив между крымским берегом и Таманью ходит паром «Заполярный». Есть еще два парома — «Крым» и «Кавказ», но ласточки почему-то полюбили именно «Заполярный» и свили на нем множество гнезд. Команде парома это сначала не понравилось: гнезда разрушались и птиц отгоняли. Ласточки были настойчивы в своей любви, и члены команды не только смирились, но и привязались к птицам, домом для которых, как и для них самих, был паром. И произошел случай, который, кажется, мог бы стать неким эталоном отношения человека к живой природе. Однажды один птенец пытался взлететь из гнезда и... свалился в воду. Матрос прыгнул в холодное весеннее море и спас птенца.

Об этом и многом другом Сергей Владимирович рассказывает в книге «Маленькие рассказы о животных», которую сейчас пишет. Его волнует также то, что часто привязанность человека к живой природе носит избирательный, даже преритивный характер. Содержать в доме экзотических животных — обезьян, черепах, поугаев, даже львов — стало модой. Недавно, например, Образцов получил телеграмму из Риги: «Помогите доставить щенка сенбернара». «Вот видите, — с грустью говорит Сергей Владимирович, — любовь к природе распространяется лишь на сенбернара, а на обыкновенную дворнягу — нет».

Статью можно закончить словами Сергея Владимировича: «Всего не расскажешь». Я не сказал и сотой доли того, что хотел бы. Потому что о Сергее Образцове можно рассказывать бесконечно.

В. ДРУЖБИНСКИЙ,
наш корр.